

УДК 821.111-3
ББК 84(4Вел)-44
К32

Квинси, Томас де.

К32 Убийство как одно из изящных искусств : [перевод с английского] / Томас де Квинси. — Москва : Алгоритм, 2017. — 208 с. — (Человек преступный. Классика криминальной психологии).

ISBN 978-5-906880-75-8

Английский писатель, ученый, автор знаменитой «Исповеди англичанина, употреблявшего опиум» Томас де Квинси рассказывает об убийстве с точки зрения эстетических категорий. Исполненное черного юмора повествование представляет собой научный доклад о наиболее ярких и экстравагантных убийствах прошлого. Пугающая осведомленность профессора о нашествии преступлений эпохи наводит на мысли о том, что это не научный доклад, а исповедь убийцы. Так ли это на самом деле или, возможно, так проявляется писательский талант автора, вдохновившего Чарльза Диккенса на лучшие его романы? Ответить на этот вопрос сможет сам читатель, ознакомившись с книгой.

УДК 821.111-3
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-906880-75-8

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

ЧЕЛОВЕК ПРЕСТУПНЫЙ. КЛАССИКА КРИМИНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Томас де Квинси

УБИЙСТВО КАК ОДНО ИЗ ИЗЯЩНЫХ ИСКУССТВ

Редактор *Е.О. Мигунова*
Художник *Б.Б. Протопопов*

ООО «Алгоритм»

Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algoritm-izdat.ru>
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 25.11.2016.
Формат 84х108^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,92.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-906880-75-8

СОДЕРЖАНИЕ

Убийство как одно из изящных искусств	
Предупреждение особы, болезненно добродетельной	6
Лекция	9
Добавление к лекции «Убийство как одно из изящных искусств»	66
Постскриптум	90
О стуче в ворота у Шекспира («Макбет»)	162
Приложение. <i>Н. Я. Дьяконова</i> Томас Де Квинси — повествователь, эссеист, критик (1783–1859)	170

УБИЙСТВО КАК ОДНО ИЗ ИЗЯЩНЫХ ИСКУССТВ

Предупреждение особы, болезненно добродетельной

Многим из нас, книголюб, вероятно, известно о том, что в прошлом веке сэром Фрэнсисом Дэшвудом было основано Общество Вспомоществования Пороку — Клуб Адского Огня¹. Существовало также и Общество по Воспрещению Добродетели, возникшее — если не ошибаюсь — в Брайтоне². Запрету подверглось само это общество, однако я должен с прискорбием объявить, что в Лондоне имеется клуб направления еще более возмутительного. По направленности своей этот клуб следовало бы наименовать Обществом Поощрения Убийств, однако сами его члены предпочитают изысканный эвфемизм — Общество Знатоков Убийства. Они не скрывают своего пристрастия к душегубству, провозглашают себя ценителями и поклонниками различных способов кровопролития — короче говоря, выступают любителями убийства. Каждый новый эксцесс подобного рода, заносимый в по-

¹ *Клуб Адского Огня* — клуб молодых аристократов, организованный Фрэнсисом Дэшвудом в XVIII столетии. Его члены отличались безудержной веселостью, дерзкими выходками, их религиозные воззрения были близки к атеизму.

² *Брайтон* — фешенебельный приморский курорт в графстве Сассекс, был особенно модным в XIX в.

лицейские анналы Европы, они воспринимают и подвергают всестороннему обсуждению, как если бы перед ними была картина, статуя или иное произведение искусства. Впрочем, мне нет необходимости утруждать себя попытками описать деятельность названного общества: читатель гораздо полнее уяснит его себе сам из одной из ежемесячных лекций, прочитанной перед обществом в прошлом году. Лекция эта попала ко мне в руки случайно — вопреки неусыпной бдительности, с какой протоколы заседаний оберегаются от стороннего глаза. Обнародование документа вызовет у членов общества смятение, но именно эту цель я и преследую. Мне представляется гораздо более предпочтительным покончить с данной корпорацией мирно, без лишнего шума: лучше воззвать к мнению общественности, нежели разоблачением имен довести дело до апелляции к Боу-стрит¹; в случае неудачи моего обращения я, впрочем, вынужден буду прибегнуть и к таковой мере. Присущая мне беспредельная добродетель не позволяет мне мириться с подобным бесчинством в христианской стране. Даже в языческие времена терпимость по отношению к убийству — а именно жуткие представления, кои разыгрывались на арене перед амфитеатром, заполненным зрителями, — воспринималась христианским автором как самое вопиющее свидетельство упадка общественной морали. Этим автором был Лактанций²; его словами, здесь уместными как нельзя более, я и закончу. «*Quid tam horribile, — пишет он, — tam tetrum,*

¹ *Боу-стрит* — главный уголовный полицейский суд в Лондоне (по названию улицы, где он находится).

² *Лактанций* (даты жизни неизвестны) — латинский церковный писатель. Учитель красноречия в Никомедии. В Вифинии стал христианином во времена Диоклетиана (239–316). В своем сочине-

quam hominis trucidatio? Ideo severissimis legibus vita nostra munitur, ideo bella execrabilia sunt. Invenit tamen consuetudo quatenus homicidium sine bello ac sine legibus faciat, et hoc sibi voluptas quod scelus vindicavit. Quod si interesse homicidio sceleris conscientia est, et eidem facinori spectator obstrictus est cui et admissor; ergo et in his gladiatorum caedibus non minus cruore profunditur qui special, quam ille qui facit; nec potest esse immunis a sanguine qui voluit effundi; aut videri non interfecisse, qui interfectori et favit et praemium postulavit». «Что ужаснее, — вопрошает Лактанций, — чудовищней и возмутительней, нежели убийство человеческого существа? Вот почему жизнь каждого из нас оберегается предельно суровыми предписаниями, вот почему войны предаются проклятию из века в век. И однако обычаи Рима позволили изобрести способ узаконить убийство вне поля сражения, не считаясь с правосудием; и требования вкуса (voluptas) теперь совпадают с требованиями бесконечной вины». Пусть джентльмены-любители хорошенько поразмыслят над последним замечанием, и позвольте мне обратить их особо пристальное внимание на заключительную фразу — столь весомую, что я попробую передать ее по-английски: «Если простое присутствие при сцене убийства возлагает на человека бремя сообщничества, если быть пассивным зрителем значит делить вину с преступником, отсюда неизбежно следует, что рука, наносящая поверженному гладиатору роковой удар, ничуть не более обогрета кровью, чем рука того, кто бездейственно созерцает убийство; не может остаться не запятнанным кровью тот, кто лицеизреп ее пролитие, и

нии «Книга о божественном установлении» проповедовал христианскую мораль.

не могут не считаться соучастниками убийства те, кто рукоплещет злодею и требует для него награды». Я еще не слышал о «*praemia postulavit*»[«требует награды» (*лат.*)], присужденной джентльменам-любителям, членам лондонского сообщества, хотя их деятельность, несомненно, того заслуживает; но «*interfectori favit*»[«рукоплещет убийце» (*лат.*)] подразумевается самим названием их ассоциации и присутствует также в каждой строке нижеследующей лекции.

Х. У. З.

Лекция

Господа!

Ваш комитет оказал мне большую честь, возложив на меня нелегкое поручение — прочесть посвященную Уильямсу лекцию на тему «Убийство как одно из изящных искусств». Задача эта могла показаться достаточно простой три-четыре столетия назад, когда названное искусство не встречало должного понимания и было представлено лишь немногими образцами, однако в наш век, когда профессионалы явили нам образцы подлинного совершенства, представляется очевидным, что публика имеет полное право ожидать соответственного улучшения и в стиле их критики. Теории и практике следует продвигаться вперед *rap passu* [в ногу друг с другом (*лат.*)]. Люди начинают понимать, что для создания истинно прекрасного убийства требуется нечто большее, нежели двое тупиц — убиваемый и сам убийца, а в придачу к ним нож, кошелек и темный проулок. Композиция, джентльмены, группировка лиц, игра светотени, поэзия, чувство — вот что ныне

полагается необходимыми условиями для успешного осуществления подобного замысла. Мистер Уильямс высоко превознес для всех нас идеал убийства — тем самым усугубив, в частности, тяготы задачи, мною на себя возложенной. Подобно Эсхилу¹ или Мильтону в поэзии, подобно Микеланджело в живописи, он довел свое искусство до пределов грандиозной величественности; и, по замечанию мистера Вордсворта, в определенном смысле «создал меру, согласно которой надлежит его судить». Уметь обрисовать, хотя бы в общих чертах, историю данного искусства или дать взвешенную оценку основополагающим его принципам вменяется теперь в обязанность и знатокам и судьям, резко отличающимся от тех судей, что входят в состав суда присяжных его величества.

Прежде чем приступить к делу, позвольте мне обратиться с кратким словом к иным педантам, пытающимся изобразить наше сообщество как до определенной степени безнравственное. Безнравственное! Да сохранит меня Юпитер, джентльмены, что разумеют они под этим словом? Я сам горой стою за добродетель — я всегда буду на стороне высокой нравственности и так далее; я со всей решимостью утверждаю — и не отступлюсь от своих слов (чего бы мне это ни стоило), — что убийство выходит за рамки приличного поведения, и даже весьма далеко; я не побоюсь заявить во всеуслышание, что практика убийств, несомненно, проистекает из крайне извращенного образа мыслей, будучи следствием в корне ошибочных принци-

¹ Эсхил (525–456 гг. до н. э.) — древнегреческий драматург, «отец трагедии», написал не менее восьмидесяти драм, из которых до нас дошли только семь. Наиболее известные из них — трилогия «Орестея» и «Прикованный Прометей».

пов; я как нельзя более далек от споспешествования планам преступника посредством указания ему убежища, где прячется несчастная жертва (хотя великий немецкий моралист [Имеется в виду Кант — простиравший непомерно строгие требования безусловной правдивости вплоть до нижеследующего: он полагал, что человек, ставший свидетелем того, как невинной жертве удалось ускользнуть от злодея, обязан, на вопрос последнего, сказать ему правду и указать место, где затаился спасшийся, как бы ни был он уверен, что тем самым навлекает на несчастного неминуемую гибель. Дабы описанная доктрина не была сочтена рожденной случайно, в пылу спора, почтенный философ, в ответ на упреки знаменитого французского писателя, торжественно подтвердил свою точку зрения, подкрепив ее основательной аргументацией. (*Примеч. автора.*)] и полагает такую откровенность долгом каждого честного человека); я охотно готов пожертвовать на поиски злоумышленника один шиллинг и шесть пенсов, что на целых восемнадцать пенсов превышает сумму, пожертвованную доньше на эти цели даже виднейшими из когда-либо живших на свете ревнителей нравственности. Но что из того? Все в мире имеет два полюса. Убийство, к примеру, можно рассматривать с позиций морали (по преимуществу с кафедры проповедника или же в здании Олд-Бейли¹); в этом, надо признаться, заключается его уязвимая сторона; однако оно же вполне может рассматриваться согласно терминологии немецких философов и как эстетическое явление — то есть подлежащее суду хорошего вкуса.

¹ Олд-Бейли — центральный уголовный суд в Лондоне (по названию улицы, где он находится).

Для иллюстрации данного положения позволю себе опереться на авторитет трех светил, а именно — С. Т. Колриджа, Аристотеля и мистера Хаушица, хирурга. Начнем с первого из них. Однажды вечером, много лет тому назад, мы с ним пили чай на Бернерс-стрит¹ (кстати сказать, для столь короткой улицы она породила удивительно много гениев). Собралась целая компания: ублажая бренную плоть чаем с гренками, мы жадно внимали аттическому красноречию С. Т. К.², пустившегося в пространные рассуждения о Плотине³. Вдруг раздался возглас: «Пожар! Пожар!» — и все мы, наставник и ученики, Платон⁴ и ученики, поспешно высыпали наружу в предвкушении захватывающего зрелища. Пожар случился на Оксфорд-стрит, в доме фортепьянного мастера; судя по всему, огонь внушал немалые надежды — и я не без сожалений принудил себя покинуть компанию мистера Колриджа, прежде чем события успели разыгаться по-настоящему. Неделью спустя, повстречав нашего Платона, я

¹ Здесь располагалась таверна, в которой часто собирались поэты и художники в XVIII — начале XIX в.

² Так Колридж подписывал свои ранние произведения, и так он часто себя называл. В юности он записался в драгуны, расшифровав эти инициалы как Сайлас Томкин Камбербек.

³ *Плотин* (204–270 гг. н. э.) — греческий философ-платоник, основоположник неоплатонизма. Здешний мир для него — одно из отражений единой мировой души.

⁴ *Платон* (427–347 гг. до н. э.) — древнегреческий философ, родоначальник идеализма, одного из главных направлений в античной философии. Основной метод его учения — диалектика, противопоставленная софистике. Согласно теории «Идей» Платона — идея первична, а материя вторична. Платон утверждает тезис о непознаваемости идей для человека и непознаваемости мира идей для божества.

напомнил ему о недавнем происшествии и выразил нетерпеливое желание услышать о том, каким оказался финал этого многообещающего зрелища. «А! — проговорил мой собеседник. — Хуже некуда: мы все дружно плевались». Что ж, неужели кто-то способен предположить, будто мистер Колридж (невзирая на тучность, мешающую ему отличиться в деятельном подвижничестве, он все же бесспорно является добрым христианином), неужели, спрашиваю, достойнейший мистер Колридж может быть сочтен прирожденным поджигателем, способным желать зла бедняге фортепьянному мастеру, а равно и его изделиям (многие из них, несомненно, с дополнительными клавишами)? Напротив, мистер Колридж известен мне как человек, который охотно (тут я жизнь готов прозакладывать) принялся бы — в случае необходимости — качать насос пожарной машины, хотя редкая дородность плохо приспособила его для столь сурового испытания его добродетели. Как, однако, обстояло дело? На добродетель спроса не было. С прибытием пожарных машин вопросы морали всецело были препоручены страховому ведомству. А раз так, то мистер Колридж имел полное право вознаградить свои художественные склонности. Он оставил чай недопитым: что же, он ничего не должен был получить взамен?

Я утверждаю, что даже самый наидобродетельнейший человек, если принять во внимание вышеизложенные посылки, вправе был вволю насладиться пожаром или осветить его, как он поступил бы, оказавшись зрителем любого другого представления, которое возбудило бы у публики ожидания, впоследствии обманутые. Обратимся к другому великому авторитету: что говорит по этому по-

воду Стагирит?¹ В пятой, помнится, книге «Метафизики»² описывается совершенный вор; а что до мистера Хаушипа, то он в своем трактате о несварении желудка, нимало не обинуясь, с нескрываемым восхищением отзывается о виденной им язве, определяя ее как «прекрасную». Что ж, неужели кто-нибудь всерьез предположит, будто, рассуждая отвлеченно, Аристотель мог бы счесть вора достойной личностью, а воображение мистера Хаушипа могло плениться видом язвы? Аристотель, как хорошо известно, отличался столь высокой нравственностью, что, не удовлетворившись написанием «Никомаховой этики» in octavo [в восьмую долю листа (*лат.*)], тут же разработал другую систему под названием «Magna Moralia» или «Большая этика». Трудно поверить, что создатель учения об этике — большой или малой — стал бы восторгаться вором *per se* [как таковым (*лат.*)]; мистер Хаушип же открыто ополчился войной против всех и всяческих язв — и, отнюдь не собираясь поддаваться их чарам, решительно вознамерился бесповоротно изгнать их за пределы графства Миддлсекс. Истина, однако, заключается в том, что, невзирая на свою предосудительность *per se* — в сравнении с другими представителями своего класса, и вор и язва вполне могут обладать бесчисленными грациями достоинств. Сами по

¹ *Стагирит* — Аристотель (384–322 гг. до н. э.), происходивший из города Стагира на восточном побережье полуострова Халкидики, древнегреческий философ и ученый-энциклопедист. Основатель перипатетической школы. Преподавал в Академии Платона.

² «*Метафизика*» — II часть курса лекций Аристотеля. (I часть — «Физика»). Предмет «первой философии» состоит из двух вариантов: а) общая метафизика изучает сущее, б) частная метафизика изучает неподвижную субстанцию или «вечный перводвижитель».

себе и вор и язва являются изъянами, это справедливо; но поскольку сущность их состоит в совершенстве, то именно непомерное несовершенство и превращает их в нечто совершенное. *Spartam nactus es, hanc exorna* [Достигнув Спарты, укрась ее (*лат.*)]. Вор, подобный Автолику¹ или знаменитому некогда Джорджу Бэррингтону; чудовищная гнойная язва, великолепное созревание которой должным образом проходит через все естественные стадии, ничуть не менее может претендовать на роль образцового представителя своего класса, нежели среди цветов — самая безукоризненная мускусная роза, готовая превратиться из бутона в «яркий распустившийся цветок», а среди цветов человечества — обаятельная юная красавица во всем великолепии женственности. Итак, можно вообразить себе не только идеал чернильницы (как это продемонстрировал мистер Колридж в своей прославленной переписке с мистером Блэквудом²); в этом, кстати, усмотреть большую заслугу трудно: ведь чернильница — в высшей степени достойный хвалы предмет и почтенный член общества; нет, само несовершенство способно достигать идеального, совершенного состояния.

Воистину, джентльмены, я должен просить у вас прощения за то, что злоупотребил философскими выкладками; позвольте же теперь применить их к действительности. Когда убийство грамматически находится еще в

¹ *Автолик* — в греческой мифологии ловкий разбойник на Парнасе. От своего отца Гермеса получил дар плутовства, способность становиться невидимым или принимать любой облик. Внуком Автолика был хитроумный Одиссей.

² *Мистер Блэквуд* — организатор известного литературного журнала начала XIX столетия «Блэквудский журнал» («Блэквуд мэгэзин»).

футурум перфектум¹, пока оно еще не свершено и даже (согласно новомодному пуристическому обороту) не находится в процессе свершения, но лишь предполагает быть свершенным — и слух о замышляемом покушении только достигает наших ушей, давайте всенепременно подходить к нему исключительно с моральной точки зрения. Однако представьте, что убийство уже осуществлено, приведено в исполнение, — «Кончено» или (повторив мощную молосскую стопу Медей²) — «Так, вот все»; если кровопролитие сделалось *fait accompli* [свершившимся фактом (*фр.*)]; если злосчастная жертва уже избавлена от страданий, а повинный в этом негодяй удрал неведомо куда; допустим даже, что мы не пожалели сил, стремясь его задержать, и подставили ему подножку, но тщетно: «*abiit, evasit, excessit, erupit, etc.*» [«ушел, ускользнул, удалился, вырвался и т. д.» (*лат.*)] — какой прок тогда, спрошу, от добродетели? Морали отдано должное; настает черед Тонкого Вкуса и Изящных Искусств. Произошло прискорбное событие — что и говорить, весьма прискорбное; но сделанного не поправить — мы, во всяком случае, тут бессильны. А посему давайте извлечем из случившегося хоть какую-то пользу; коли данное происшествие нельзя поставить на службу моральным целям, будем относиться к нему чисто эстетически — и посмотрим, не обнаружится ли в этом

¹ *Футурум перфектум* (*лат.*: будущее совершенное) — грамматическое время глагола, означающее, что действие обязательно произойдет в будущем.

² *Медея* — в греческой мифологии волшебница, дочь царя Колхиды. Миф о Мее связан с мифом об аргонавтах. Медея помогает их вождю Ясону преодолеть испытания, которым героя подверг ее отец.

какой либо смысл. Такова логика благоразумного человека, и что из этого следует? Осушим слезы — и найдем утешение в мысли о том, что хотя само деяние, с моральной точки зрения, ужасно и не имеет ни малейшего оправдания, оно же, с позиций хорошего вкуса, оказывается весьма достойным внимания. Таким образом; все довольны; справедливость старинной поговорки «Нет худа без добра» доказана в очередной раз; недовольный любитель, раздосадованный было въедливостью моралиста, приободряется и находит себе поживу: торжествует всеобщее оживление. Искус миновал: отныне главенствует Искусство (различие между двумя этими словами столь невелико, что ни судить, ни рядить, право, не стоит) — Искусство, я повторяю, и Вкус получают основания позаботиться о своих интересах. Руководствуясь этим принципом, джентельмены, я и предполагаю заняться исследованием — от Каина до мистера Тертелла Давайте же вместе, рука об руку, восхищенно обойдем внушительную галерею убийств, где выставлены наиболее примечательные достижения в занимающей нас области, и я постараюсь привлечь ваше внимание к заслуживающим критического рассмотрения образцам.

Первое в истории убийство известно всем и каждому. Как изобретатель убийства и основоположник данного вида искусства, Каин был, по-видимому, выдающимся гением. Все Каины обладали гениальностью. Тувалкаин¹ изобрел орудия из меди и железа или что-то вроде того. Но каковы бы ни были оригинальность и одаренность

¹ *Тувалкаин* — «отец всех кузнецов», сын потомка Каина — Ламеха. Он имеет демонический характер и обладает магическими способностями, связанными с его профессией.